

ИХ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ О РОДИТЕЛЬСКИХ IWC РАССКАЗЫВАЕТ РИЧАРД УОЛЛИС

ричард уоллис
журналист
по рождению

Ричард Уоллис родился в Париже. Как и его отец когда-то, он проработал в Reuters 27 лет, объездил весь мир. Был шефом бюро агентства по СНГ, сейчас — глава пресс-службы European Bank for Reconstruction and Development по России и Белоруссии. Адская смесь национальностей — он наполовину англичанин, на четверть иранец и на четверть латыш — не мешает ему радоваться, когда его принимают за русского.

— Корреспондент Reuters **Джон Уоллис** в 1940 году в Москве

Эти часы IWC — свадебный подарок моему отцу от маминих родителей. Отец и мать поженились в Москве в феврале 1941 года. Мой отец в то время был корреспондентом агентства Reuters в СССР. Вскоре после свадьбы они на поезде отправились в Турцию. Моя бабушка, которая очень беспокоилась за свою дочь, добилась от российского МИДа, чтобы два телохранителя из НКВД сопровождали их в соседнем купе. Они должны были спасти маму, если бы папа вдруг оказался сексуальным маньяком. Отец, который не говорил по-русски, никак не мог понять, почему это мама постоянно заговаривает с соседями — двумя очень странного вида людьми с военной выправкой в штатских костюмах. Соседи сошли с поез-

да только на самой границе с Турцией, и моя мать все объяснила отцу. Так начался их медовый месяц. Отец пронесил подаренные ему часы всю войну. В качестве корреспондента он побывал в это время в Ираке, Турции и Египте, часы не боялись ни морской воды, ни мельчайшего песка пустыни. IWC были у него на руке, когда он был прикомандирован к Восьмой британской армии, с боями продвигавшейся по Италии. Он умер в 1981 году, часы всегда были с ним, уже давно ему говорили, что пришло время сменить часы, что в них, должно быть, полно пыли, что они поцарапаны и пора купить новые. Но они все еще прекрасно работают — через семьдесят-то лет! Эти часы я надеваю очень редко, под особое настроение. В обычное время я ношу русский Aviator, у них большой циферблат, и я могу узнать время даже ночью. Но глядя на IWC, я вспоминаю еще одну историю. Уже через много лет я узнал, что на самом деле деду не пришлось покупать часы для подарка. Он сам получил их в дар от одного из своих богатых друзей-коммерсантов, который знал о его страсти к часам. Дед, который занимал тогда пост иранского посла в Москве, не мог принять этот очень дорогой подарок, но не мог и отказать человеку, который его преподнес. Это была бы настоящая обида, ведь они были знакомы с детства — сидели за одной партой в школе в Иранском Азербайджане. Передавав эти часы моему отцу на день свадьбы, дед элегантно избавился от искушения. Тайну тщательно сохраняли, и мой отец всегда верил, что это был необыкновенно щедрый жест со стороны его тещи и тестя. Когда в 1967 году я поступил в Оксфорд, отец попросил все-таки отдать эти часы в починку. Я отнес их в лучший часовой магазин на оксфордской Хай-стрит и договорился получить их обратно к концу семестра, чтобы успеть вернуть их отцу во время каникул. Когда подошел конец семестра, часы все еще не были готовы. Я объяснил в магазине, что если я вернусь домой без часов, мать решит, что я продал их или отнес в ломбард. Надо мной сжалились и дали адрес двух братьев, которые, собственно, и занимались починкой часов. Они работали в крошечной мастерской в Лондоне — в Хэттон-Гарденс. Разумеется, после этого я больше никогда не обращался в этот роскошный часовой магазин в Оксфорде, а сразу относил часы на Хэттон-Гарденс. Эти два брата как-то сказали мне, что я могу продать отцовские IWC за приличные деньги, но я объяснил им, что часы не продаются. Тогда они предложили мне хотя бы обновить циферблат, поскольку он все-таки изрядно потерялся. Я сначала отказался, но после нескольких лет поддался на уговоры. Когда часы были готовы, братья с гордостью вручили их мне со словами: «Хорошо, что вы подождали. Тот парнишка, который занимался вашими часами, прошел стажировку в Израиле и теперь работает гораздо лучше!» Еще мне пришлось поменять минутную и часовую стрелки. Но в маленьком мешочке я до сих пор храню те самые стрелки. Они отсчитывали лучшие дни жизни моего отца.